

Архив Н. Харджиева может никогда не вернуться к хозяину

Малевич К

После публикации серии статей, посвященных истории продажи и вывоза за рубеж картин К. Малевича, принадлежавших известному российскому литературоведу Николаю Харджиеву («Известия» №№ 73, 74, 76), редакция получила письма, в которых ставится под сомнение позиция редакции. Сегодня публикуем одно из них, написанное близким другом Н. Харджиева — ленинградским филологом Михаилом Мейлахом.

Сегодня мы еще раз хотим подчеркнуть нашу позицию. «Известия» считают, что Николай Иванович Харджиев имел безус-

ловное право продать любые принадлежавшие ему произведения искусства за любые деньги. Мы считаем, что он имел право в любое время избрать своим местом жительства понравившуюся ему страну. Он имеет безусловное право вывезти с собой свой уникальный рабочий архив, который он собрал и сберег в те годы, когда эти документы не только никому не были нужны, но и представляли немалую опасность для их владельца. Харджиев сам — жертва обстоятельств, которые редакция в своем расследовании старалась и будет стараться прояснить.

Вместе с тем надо помнить, что в России действуют определенные законы, касающиеся вывоза культурных ценностей. (О том, как действуют подобные правила во Франции, вы прочтете в статье сборника «Известий» в Париже Ю. Коваленко). Кто-то, видимо, не Харджиев, их нарушил, вывезя из страны проданные Николаем Ивановичем картины Малевича. И это не дешёвая сенсация. Именно эти люди, так же как и каналы утечки художественных ценностей, и являются предметом нашего расследования.

ТАМОЖЕННЫЕ ПРАВИЛА В РОССИИ ОСТАЛИСЬ ОТ ВРЕМЕН «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА»

Вот уже полтора месяца в прессе, любящей выражать стереотипы советского мышления, идет травля крупнейшего в мире специалиста по русскому авангарду, издателя раннего Маяковского и Хлебникова, друга Мандельштама и Ахматовой — Николая Ивановича Харджиева. При этом, к этому постыдному хору присоединились уважаемые мною «Известия» — газета, даже в худшие времена стремившаяся, насколько было возможно, к независимости и беспристрастности. И хотя тон опубликованных газетой статей менялся буквально на ходу, в сумме эти статьи напоминают разгромные заказные компани советского времени. В них Н. И. Харджиеву вменяется в вину, что, выехав за границу девяностолетним больным человеком, получающим мизерную пенсию, он осмелился повезти с собой свой литературный и художест-

венный архив, который собирал всю свою жизнь и который, по мысли журналистов, является «национальным достоянием». Ценность этого архива неоспорима, но позволим себе заметить, что в первую очередь он является частной собственностью и, в сущности, представляет собой рабочие материалы (я, зная Николая Ивановича более четверти века, могу свидетельствовать, что коллекционером он никогда не был), связанные с поэтами и художниками, изучению творчества которых их хозяин посвятил много десятилетий.

Пафос авторов статей, по сути, ничем не отличается от пафоса революционных экспроприаторов, для которых идея мифической коллективной собственности служила поводом для грабежа, но «орудия производства» не конфисковались даже тогда. И я осмелюсь, например, утверждать, что в руках Харджиева ру-

кописи Хлебникова, чьи «Неизданные произведения», выпущенные Николаем Ивановичем в 1940 году, по сей день остаются непревзойденным изданием, — скажут больше, чем находясь в каких-либо архивах с их, кстати, весьма запятнанной репутацией (ни для кого не секрет, что все советские годы архивы исполняли роль придатков КГБ, контролировавшего их фонды и пополнявшего их результатами обысков). Или — как можно препятствовать кому-либо взять с собой в любое место на свете написанные ему письма, даже если их писала Ахматова! Не будем, кроме того, забывать, что буквально все писатели и художники, чьи материалы составляют архив Харджиева, подвергались преследованиям. Хранить письма той же Ахматовой было весьма небезопасно после постановления 1946 года, а сколько рукописей, сохраненных Харджиевым, погибло бы

вслед за их авторами!

Допустим, что история вывоза, вернее невывоза архива Харджиева, противоречит таможенным правилам, но эти правила остались от советского времени с его «железным занавесом». Подобных правил ни в одной цивилизованной стране просто не существует. Совершенно нелегально, чтобы итальянская таможня задержала автограф футуриста Маринетти, как московская — автографы футуриста Хлебникова, представляющие интерес, собственно говоря, лишь для исследователей (рачительам идеи о том, что Хлебников должен принадлежать народу, надо думать не о таможенных барьерах, а об издательских тиражах). Подлинные же художественные ценности, относящиеся к классическому наследию, которые все же не подлежат вывозу из России ни при каких обстоятельствах (хотя ими бод-

ро приторговывали все вожди от Сталина до Брежнева), на Западе лишь облагаются разумным налогом — иначе как могли бы, например, существовать международные аукционы в Лондоне, где картины Гейнсборо или Ван Гога покупают коллекционеры со всего мира? Но не о том речь. Так или иначе, если сохраняющиеся советские далеко не цивилизованные правила оказались нарушенными, кто осмелится бросить камень в 90-летнего исследователя, не пожелавшего расстаться с рукописями, исследование которых он посвятил всю жизнь и которые без него имели все шансы оказаться в невесте какой-нибудь попойке?

Как бы то ни было, положив руку на сердце, можно с уверенностью сказать, что этот казус не имеет ничего общего с когда-то государственным, а теперь частным бизнесом, связан-

ным со скупкой в России и спекулятивной продажей на Западе произведений русского авангарда (кстати, самим своим происхождением этот бизнес обязан все тем же таможенным правилам).

В заключение позволю себе выразить мысль, давно уже ставшую реальностью на Западе: что произведения искусства, созданные в той или иной стране, исторически с неизбежностью подвергаются дисперсии по всему «Европейскому дому», любые попытки закрыть свою культуру на замок, в конечном счете ее только обедняющие, приводят если не к вышибанию дверей, то к рытью подкопов. Возвращаясь же к собственно истории с архивом Николая Ивановича, можно лишь сказать, что он, несомненно, должен быть ему возвращен; что статьи в «Известиях» являются вмешательством в частную жизнь; и что, наконец, почтенной газете не к лицу пятнать свою репутацию погоней за дешевыми сенсациями.

Михаил МЕЙЛАХ,
кандидат филологических наук,
член ПЕН клуба,
член Союза писателей.

ИЗ ФРАНЦИИ НЕЛЬЗЯ ВЫВОЗИТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА, КОТОРЫЕ ОТНОСЯТСЯ К КАТЕГОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОКРОВИЩ

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия»

Главный принцип, который лежит в основе вывоза культурных ценностей из Франции, заключается в том, что ее территория не имеет права покидать произведения искусства, которые относятся к широко понимаемой категории «национальных сокровищ». Ис-

ключения делаются только для временных выставок, экспертиз и реставрации.

Для вывоза из Франции культурных ценностей в государства — члены Европейского сообщества необходимо получение сертификата, свидетельствующего о том, что они не имеют характера «национальных сокровищ». Такой сертификат выдается министерством образования и культуры.

Все культурные ценности, которые подлежат контролю, во Франции разбиты на 14 категорий. В них входят созданные более 50 лет назад и не принадлежащие их авторам картины, гравюры, эстампы, фотографии, фильмы и их негативы, рукописи, включая географические карты, ноты и архивы.

Это также транспортные средства, возраст которых превышает 75 лет, или книги, которым более 100

лет. В одну из категорий включены ботанические, зоологические, палеонтологические, этнографические и прочие коллекции.

При этом для некоторых категорий культурных ценностей — в них не попадают архивы — установлены минимальные пределы их стоимости. Если то или иное произведение оценивается ниже, то тогда сертификат не нужен. Например, для картин этот пре-

дел составляет 150 тысяч экю (170 тысяч долларов), для книг и этнографических коллекций — в три раза меньше.

Процедура заметно усложняется в случае вывоза произведения искусства в страны — не члены ЕС. Получив вышеупомянутый сертификат, необходимо обратиться в так называемую службу по выдаче финансовых и коммерческих разрешений. По предъяв-

лении сертификата она выдает разрешение на экспорт, после чего в таможню наряду с двумя этими документами нужно представить декларацию об экспорте.

Наконец, при вывозе культурных ценностей из Франции следует уплатить налоговую пошлину на те произведения искусства, стоимость которых превышает 20 000 франков (3400 долларов). Для вывоза в государства, не являющиеся членами ЕС, эта пошлина составляет 7 процентов от его цены и 4,5 процента в случае продажи с аукциона. При экспорте из Франции в одну из стран ЕС размер пошлины регулируется двусторонними соглашениями.

ПАРИЖ.

ПРОФЕССОР ИЗ ГОЛЛАНДИИ, ВЕРОЯТНО, ЗНАЛ О ГОТОВЯЩЕМСЯ ВЫВОЗЕ КАРТИН МАЛЕВИЧА

Эльмар ГУСЕЙНОВ,
«Известия»

Начиная расследование истории продажи и вывоза из России нескольких живописных работ Малевича, принадлежавших известному литературоведу Николаю Харджиеву, «Известиям» уже через несколько дней удалось узнать подробности и имена людей, связанных с этим запутанным делом. Сегодня мы, как и обещали, можем в значительной степени дополнить и уточнить собранные ранее факты.

Главные герои нашей истории, Николай Иванович Харджиев и его супруга Лидия Васильевна Чага, живут в настоящее время в Амстердаме, на площади Олимпиа, 55. Это довольно престижный южный район города. Харджиев и Чага поселились в собственном четырехэтажном доме, который, по нашим сведениям, они приобрели в марте 1994 года за 700 тысяч гульденов (около 350 тысяч долларов). Видна на жиле в Голландии Харджиев и Чага пока, по нашим сведениям, не имеют, и мы не хотели бы, чтобы наши публикации затруднили им его получение.

Тех, кто был знаком с неприятным, крайне скромным образом жизни, который Харджиев долгие годы вел на родине, несомненно, удивит названная сумма. Для нас же она является косвенным свидетельством того, что предполагаемая продажа полотен Малевича состоялась, а сами полотна пересекли границы

России. Иначе Харджиеву и Чаге просто-напросто не заплатили бы.

Кстати, о цене проданных полотен. Мы обратились за консультацией к известному специалисту профессору МГУ им. М. В. Ломоносова Дмитрию Саробыянову. Профессор Саробыянов сообщил нам, что, по его мнению, исходя из особенностей схематических рисунков проданных полотен, воспроизведенных «Известиями», речь, скорее всего, идет именно о картинах, а не о рисунках. Они напоминают некоторые работы Малевича, известные по фотографиям, след которых впоследствии затерялся. Кроме того, по мнению Д. Саробыянова, 2,5 миллиона долларов за 6 рисунков Малевича — это много, а за 6 картин — мало.

От себя риску предположить, что если 4 картины были переданы Харджиевым Кристине Г. Бшер в качестве компенсации за возможность поселиться за рубежом (о чем, кстати, упоминал сборник «Известий» в Париже Юрий Коваленко, со статьи которого и началось наше расследование), то 2,5 миллиона за две другие картины — нормальная цена для произведений Малевича.

Судя по всему, решение о переезде за границу, так же, как и вывоз архива и принадлежавших Харджиеву произведений живописи, был задуман им давно — может быть, еще в начале 80-х годов. Это позволяет утверждать, изучение оказавшихся в распоряжении редакции писем того самого анонима, про которого мы писали в предыдущей статье и ко-

торый скрывался под звучным псевдонимом «гилейская стрела».

Благодаря помощи московских архивистов, мы можем сегодня с достаточной долей уверенности утверждать, что таинственной «гилейской стрелой» является довольно известный в России, но имеющий не очень благоприятный имидж на Западе шведский ученый-славист Бенгт Янгфельд. Дело в том, что специалистам, составившим описание архива Харджиева, задержанного в «Шереметьево-2», показался знакомым характерный почерк писавшего Харджиеву анонима. Беглой проверке старых читательских карточек РГАЛИ, заполненных рукой Янгфельда, оказалось достаточно, чтобы установить предполагаемого автора писем.

Текст писем не оставлял сомнений в том, что инициатива отъезда исходила от Харджиева или, возможно, от его супруги. «...Идея была Ваша, — писал Харджиеву «гилейская стрела». — Мы можем только помочь. Нет оснований думать, что Вас не выпустят, поэтому нет оснований не начать вывозить». «В наших планах мы должны исходить из того, что Вы приедете. Раз так, надо начать вывозить Ваши вещи как можно раньше». И в другом письме, написанном, кстати, на бланке шведского издательства «HYLAEA PRINTS» (опять призрак «Гилей»), аноним уточняет: «В случае неудачи все уехавшее, разумеется, сразу поедет обратно к Вам».

Жизнь любит парадоксы, и в ней все оказалось как раз наоборот: Харджиев-то уехал, а вот

дорогой его сердцу архив задержан на таможне, и может никогда не вернуться к хозяину.

Однако вся штука в том, что письма эти, судя по всему, написаны еще в 1982 году. Предполагать такую датировку заставляет не только то, что именно тогда Харджиев вдрызг, как он это умел, разругался с Янгфельдом. Дело еще в том, что в письмах «гилейской стрелы» фигурирует как одно из действующих лиц известнейший американский славист Роман Якобсон. А он умер как раз в 1982 году. Кроме того, там упоминается одна дата — воскресенье, 5 июня. Воскресенье падало на 5 июня последний раз в 1982 году. Таким образом, планы отъезда и, возможно, вывоза или продажи принадлежавших им раритетов Харджиев и Чага вынашивали уже давно.

Совершенно неожиданно нам также удалось определить еще одного персонажа истории вывоза картин и даже взять у него короткое интервью. Речь идет об известном ученом-слависте, специалисте по Велимиру Хлебникову, голландском профессоре Виллеме Вестстейне. Вестстейн возглавляет так называемый славянский семинар амстердамского университета — по сути дела, факультет или институт славистики.

Надеясь, читатели помнят о документе, обнаруженном в архиве Харджиева, в котором Кристине Г. Бшер обязалась по приезде Харджиева и Чаги в Амстердам выдать им чек на 2,5 миллиона долларов. Под этим соглашением, помимо подписи са-

мой госпожи Кристине Г. Бшер, стояли росписи Л. Чаги и еще трех лиц, иностранцев. Я показал эти росписи одному своему коллеге, голландскому журналисту, который в свое время слушал лекции В. Вестстейна, и тот узнал подписи профессора.

Это была очень важная находка: дело в том, что, по полученным нами сведениям, именно по приглашению Вестстейна Харджиев с женой выехал в Амстердам. Формально — для участия в проводимых университетом мероприятиях в связи со столетием со дня рождения Маяковского. И именно Вестстейн выступает в настоящее время представителем Харджиева в общении с журналистами и с голландскими властями.

Господин Вестстейн, которому мы позволили в Амстердам, не стал отрицать того, что присутствовал при подписании соглашения. Стиль его ответов был предельно точен и лаконичен. Да, его пригласил для участия в этой процедуре сам Харджиев. Да, свидетелями являлись еще двое иностранцев, которые скрепили документ своими подписями, но кто они, Вестстейн не знает. Да, он видел Кристину Г. Бшер, подписывавшую соглашение. Да, он знал, что условием выплаты денег является передача Кристине Г. Бшер каких-то картин, но чьих и каких, он не знает. Нет, он не планировал, что Харджиев решит поселиться в Амстердаме, — это решение было принято Николаем Ивановичем и Лидией Васильевной уже после приезда в Голландию. Нет, ему неизвестно что-либо о причастно-

сти Б. Янгфельда к этой истории, и со шведом он не знаком. Нет, у него нет личной заинтересованности в том, чтобы архив Харджиева вместе с рукописями Хлебникова оказался в Голландии.

Не знаю, насколько был искренен голландский профессор, но, думаю, его собственные научные интересы и интересы возглавляемого им института все же совпали с желанием именно в Амстердаме «прописать» Харджиева — живую легенду мировой славистики и его бесценный архив. Во всяком случае, не случайно, что в процедуре реализации принадлежавших Харджиеву картин Вестстейн принял более чем живое участие.

Кстати, о судьбе архива. Упакованный в чемодан и два баула с 22 февраля, с момента, когда гражданин Израила Дмитрий Якобсон пытался вывезти его в Германию, архив по-прежнему находится на таможне. По существующим правилам, вероятность того, что он будет возвращен хозяевам, невелика. Скорее всего, бумаги обратят в собственность государства и передадут одному из российских архивов. Хотя полномочный Харджиевым адвокат уже пытается оспорить возможность такого развития событий.

Что касается позиции таможни, то и она вполне объяснима. Архив вывозил не сам Харджиев, а совершенно посторонний человек, не только не имевший никаких документов, полномочных вывозить его на вывоз бумаг, но и отказавшийся при первых вопросах таможенника от своей причастности к архиву. Таможня не могла, да и не обязана была угадывать, кому принадлежит бумага, — она поступила с ними так, как велит в этих условиях инструкция поступать с любым вывозимым без документов и без разрешения грузом.

942

945